

Е.Ю. Фаркова

Пинигина Дарья Васильевна

Центральный персонаж повести «Прощание с Матерой». Точно возраста Дарьи не знает никто, даже она сама. О годах Дарьи можно судить по ее воспоминаниям, в которых она сравнивает себя и Настасью. «Я, девка, уж Ваську, брата, на загорбке таскала, когда ты на свет родилась. ...Я замуж-то выходила, ты кто была — оглянись-ка! Ты ишо без рубашонки бегала... Куды тебе равняться! Ты супротив меня совсем молоденькая».

Неопределенность возраста Дарьи акцентируется неоднократно: «точность эта осталась при крещении в церковных записях, которые потом куда-то увезли — концов не сыскать»; «мало видала, да много жила». И хотя в конце повествования один из героев обмолвится о возрасте Дарьи, называя ее «столетней старухой», эта случайная обмолвка характеризует не столько ее долголетие, сколько принадлежность тому миру, который со смертью Дарьи разрушится навсегда. Не случайно она говорит о себе: «Я давно уже нетутошняя... тамошняя, того свету».

Несмотря на свой преклонный возраст, Дарья была «пока на своих ногах, владела руками». Она вела самостоятельно немаленькое хозяйство, «и весь двор, весь огород на ней, а во дворе корова, телка, бычок с зимнего отела, поросенок, курицы, собака».

Дарья — коренная жительница Матеры. Здесь родились и жили ее предки: прадеды, деды, отец. Только мать была нездешняя, ее отец привез с далекой стороны. Так и не привыкнув к Ангаре, мать боялась воды до самой смерти. Вспоминая ее страх, Дарья через многие годы осознает: «Только щас мамкин страх наверх вышел, что незряшный он был... Он ка-ак: догонит все ж таки мамку вода...»

Родители Дарьи — «тятка с мамкой» — умерли нестарыми, «почитай, в одно-время». Отец перед смертью завещал: «Ты, Дарья, много на себя не бери — замаешься, а возьми ты на себя самое на-первое: чтоб совесть иметь и от совести не терпеть».

Муж Дарьи — Мирон пропал в тайге, когда ему едва перевалило за пятьдесят; снаряженные на поиски мужики не нашли никаких следов. «Ушел и не пришел, как сквозь землю провалился. И ни одна душа не сказала, что с ним случилось».

У Дарьи было шестеро детей. Во время войны она потеряла двух сыновей: один погиб на фронте, другого, малолетнего, убило в тайге сорвавшейся лесиной. Старшая дочь, жившая своей семьей, умерла при вторых родах.

Могилы малолетнего сына и взрослой дочери, похороненных в родной земле, должны были уйти под воду. И матери оставалась одна надежда — сын, погибший на фронте, «зарытый в чужом краю в общей могиле вместе со многими, быть может, останется в земле...»

В живых остались дочь и два сына. Дарье грех было жаловаться на них. Дети чтили и почитали мать. Дочь и сын, которые осели на чужой стороне, писали и звали в гости. И Павел, живший в родительском доме, уважал и любил мать. В ее старости была «самая первая для них важность» — доброе отношение «от родных к старикам».

На внешности Дарьи лежит печать долгой и трудной жизни. Она, высокая и поджарая старуха, говорит о себе: «Ох, свежий человек поглядел бы: и вправду баба-яга. Ни кожи, ни рожи. А хужей того — злиться стала. Вот это совсем нехорошо. Я раньше навроне не злая была. А потеперь то не по мне, это не по мне». В этом признании велика доля самокритичности. На самом деле Дарья пользуется авторитетом старейшины среди родных и односельчан. Благодаря твердому характеру она умеет постоять за себя. Под защиту Дарьи стягиваются «слабые и страдальные», они идут к ней потому, что рядом с нею чувствуют себя смелей и надежней.

Дарья нутром ощущает время, в котором живет, улавливает его эпохальное движение: «Все, что недавно еще казалось вековечным и неподатным, как камень, с такой легкостью помчалось в тартарары — хоть глаза закрывай».

Дарья не принимает ритма современной жизни. «И на работу, и за стол — никуда время нету». В давние времена тоже работали, «не сидели руки в укладку, дак ить робили в спокойе, а не так». Дарья не одобряет «жизни бегом» потому, что люди, спеша, как муравьи и мошки, толкая и обгоняя друг друга, теряют себя, вытравливают свои души («себя вы и вовсе скоро растеряете по дороге»).

В своих мыслях, словах и делах Дарья постоянно обращается к Богу. Она видит беды людей в том, что они «про свое место под Богом забыли». И когда Дарья говорит: «Мы не лутчей других, кто до нас жил...», она имеет ввиду безверие, укоренившееся в сердцах людей.

Дарья понимает, что современный человек не является хозяином своей жизни. Жизнь «над ним верх взяла, она с его требует, че хочет, погоном его погоняет». Самое страшное для Дарьи то, что люди душу свою потратили, забыли Бога. («В ком душа, в том и Бог». Бог «человека в тебе доржит». По воле Божией «человеком ты родился и человеком остался. Благодать в себе имел»).

Дарья называет человека путаником. Он путает других, а самое главное — «и себя до того запутал, не видит, где право, где лево». Человек все творит наоборот, делает то, что не хочет, он «сотворен, жить пущен, а ему, ишь, другого себя подавай».

Христианская душа Дарьи болит обо всех. Вечные переживания и волнения воплощаются в ее любимом присловии «христовенький». Она жалеет любого потому, что он «родился ребятенком и во всю жисть ребятенком же и остался». Он «бесится, дурит — ребятенком, и плачет — ребятенком». Дарья жалеет человека и за то, что он боится смерти. («За одно за это его надо пожалеть. Никто в свете так на боится смерти, как он»).

У самой Дарьи нет страха перед смертью. Праведная жизнь дает ей право сказать, что она перед живыми «ни в чем не виновата — в том разве только, что зажилась».

Дарья не понимает тех людей, которые легко относятся к жизни. Она думает, что «может, это и хорошо, может, так и надо, чтоб не знать ни тревог, ни печалей». Сама она видит смысл жизни в том, чтобы быть кому-то нужной. «Без дела, без того, чтобы в нем нуждались, человек жить не может». Сравнивая свою судьбу с судьбами Симы и Катерины, Дарья приходит к убеждению: для человека многое значат «положение, место, на котором он стоит». Мало «в человеке своего, данного ему от рождения, и сколько в нем от судьбы, от того, куда он на сегодняшний день приехал и что с собой привез».

Сима была родом «откуда-то из-под Тулы». Она приехала в Матеру меньше десяти лет назад из другой деревни на Ангаре — Подволочной, поселилась в маленькой заброшенной избушке. Односельчане дали ей прозвище «Московишна». Сима, единственная среди них, видела Москву «два раза, до войны и в войну». Прозвище «Московишна» как нельзя лучше шло Симе. Она «была вся чистенькая, аккуратная, знала немного грамоте и имела песенник, из которого порой под настроение тянула тоскливые и протяжные песни о горькой судьбе». И у самой Симы была нескладная судьба.

В войну она покинула родные места, в старости осталась с малолетним внуком на руках. Несмотря ни на что Сима не потеряла надежды найти «старика, возле которого она могла бы греться и за которым могла бы ходить — стирать, варить, подавать». У Симы не было «собственности, не было родственников, и ей оставалась одна дорога — в Дом престарелых, но и на этой дороге теперь, как выяснилось, появилось препятствие: Колька, в котором она души не чаяла».

На одиночество при живом сыне обречена и Катерина. Она знала в своей жизни любовь, но не ведала семейного счастья. Катерина первая на Матере остается бездомной («одним разом не стало у Катерины ни дома, ни самовара, ни русской печи»). Петр, ее бес-

путный сын, не считаясь с матерью, сам поджигает родную избу, алчно стремясь получить за нее денежную компенсацию.

На склоне лет Дарья отчетливо осознает, что ничего ей «от завтрашнего дня не надо». В разговорах с Катериной и Симой ее смущает давно забытое слово «мечтать». Дарья уверена, что мечтать можно только в девичестве, «приготавливаясь к жизни, ничего о ней еще толком не зная». В пору семейной жизни «остается только надеяться». Но с каждым годом надежда «тает, как снег, пока не истает совсем, впитавшись в землю, — и вот уже перед тобой не надежда, а парком дымящиеся из-под земли воспоминания».

Всю жизнь Дарья следовала обычаям и традициям, заведенным в далекие времена. По давнему порядку в Матере избы белили «на году по два раза»: перед Покровом, после осенней приборки, и на Пасху, после зимней топки. Побелка всегда считалась событием, преддверием престольного праздника. Побелив избу, хозяйки принимались за стряпню, за «варево и жарево».

Издавна в доме почитали трех хозяев: главу семьи, русскую печь и самовар. К этим хозяевам «подлаживались, их уважали, без них, как правило, не раскрывали белого дня, с их наказа и почина делались все остальные дела».

Так жила Матера триста с лишним лет, «перемогая любые времена и напасти». Но приблизился для Матеры «край света» — она попадала в зону затопления после строительства на Ангаре электростанции.

В трагические дни старожилы Матеры, теряя последнее в своей жизни, сохранили то единственное, что связывает их с родной землей, — «любовь к отеческим гробам». Безмолвие и терпение людей кончается тогда, когда работники санитарной бригады приезжают сровнять кладбище с землей. Дед Егор Карпов говорит председателю совета нового поселка то, что могут сказать многие жители Матеры: «А я родился в Матере. И отец мой родился в Матере. И я тутака хозяин... Дай мне дожить без позору».

Дарья пытается образумить тех односельчан, которые стремятся уехать с Матеры, чтобы «жить дальше». «Эта земля-то всем принадлежит — кто до нас был и кто после нас придет... нам Матеру на подержанье только дали... чтоб обихаживали мы ее с пользой и от ее кормились. А вы че с ей сотворили? Вам ее старшие поручили, чтобы вы жисть прожили и младшим передали. Оне ить с вас спросят. Старших не боитесь — младшие спросят».

Дарья видит свою вину в том, что на ее веку «отрубит наш род и унесет», а ей придется «зачинать» «другое поселенье». Для нее высший суд — суд предков: прадедов, дедов, отца с матерью — всех, «кто прошел свой черед до нее».

Дарье слышатся громкие, нетерпеливые и яростные голоса предков, которые говорят, что она «оставила их без надежды и будущего». Дарье кажется, что «оттуль» — от туда, где теперь обитают ее предки и где сама мечтает обрести долгожданный покой, можно будет сказать: «Это только вам непонятно, а здесь все-все до капельки понятно. Каждого из вас мы видим и с каждого спросим».

И Дарье открывается та истина, ради которой она находит в себе силы достойно прожить последние дни на Матере: «Правда в памяти. У кого нет памяти, у того нет жизни». Она понимала, что пока Матера не затоплена, «это не вся правда». Полную правду можно получить взамен того, «чтобы смотреть и слышать, что происходит, до конца, а потом снести это сполна виденное, слышанное и испытанное с собой...»

«По-свойски, по-родному» Дарья провожала Матеру в последний путь: прощалась с мельницей, совхозными коровами и телятами, которых увозили с острова, переплывая на другой берег. Она заплакала, провожая свою корову, «умницу и послушницу Майку», которая, чуя беду, «послушно пошла — куда угодно, на что угодно, но прочь, прочь с этой страшной земли».

Оставшись совсем одна, Дарья идет на могилу родителей и спрашивает у отца-матери, что делать. Откуда-то издалека-издалека донеслось: «А избу нашу ты прибрала?»

Ты провожать ее собралась, а как? Али просто уйдешь и дверь за собой захлопнешь? Прибраться надо избу. Мы все в ей жили».

Дарья подчиняется воле отца-матери, как она открылась ей. Отдавая «на смерть родную избу, из которой выносили отца и мать, деда и бабу, в которой сама она прожила всю, без малого, жизнь», Дарья белит и моет ее, обряжает во все лучшее. Она «двигалась и не могла надивиться себе, что двигается, не падает — нет, вышло, значит, к ее собственным слабым силенкам какое-то отдельное и особое дополнение ради этой работы». Она думает о родной избе, как о человеке: «Стояла, стояла, христовенькая, лет, поди полтора-ста, а теперь все, теперь поедет».

Она заплакала в последний раз сухими и мучительными слезами «вволю, во всю свою беду и обиду», когда пожогщики разрешили еще одну ночь побыть в избе. В тот день, когда горела ее изба, Дарья ушла из деревни и «все шла и шла, не опинаясь, откуда брались и силы, и все будто сбоку бежал какой-то маленький, не виданный раньше зверек и пытался заглянуть ей в глаза».

Дарья не слышала, как ей кричали старухи. Сын нашел ее возле «царского лиственя». Она «сидела на земле и, уставившись в сторону деревни, смотрела, как сносит с острова последние дымы».

Провожая Матеру, Дарья смиряется с мыслью, что и ей самой нужно отправляться в путь. Она решает: «Нет, пора помирать, дале хода нету». Дарья осознает, что всем чужая на этом свете, и просит у Бога: «Забери меня к той родне... к той, к которой я ближе»:

Как мудрая женщина, Дарья представляет, что в новом поселке отношение к ней будет другим. В Матере «она жила в своей избе, все крутом на десять рядов было своим, идущим от нее, и над всем она почиталась хозяйкой». Она говорит внуку Андрею: «На своем-то месте мы бы, старухи, ишо ползали да ползали полегоньку, а вот когда скovyрнут нас, и зараз перемрем».

Слова Дарьи оказываются пророческими. Они сбываются в судьбе Настасьи. Ее муж, Егор, «со зла или от растерянности» обменял избу на квартиру в городе, не получив ни копейки. Им предстояло самое трудное — жить в городе одним, в разлуке с односельчанами, переезжающими в поселок.

Егор так и не смог привыкнуть к городу. Он никуда не выходил из квартиры и угас, растаял на глазах Настасьи, которая, совсем обезумев от горя и одиночества, вернулась в разоренную Матеру к Дарье, Симе, Катерине, Богодулу.

Надеждой гонимых и одиноких старух становятся их семейные реликвии — самовары. Покидая Матеру, Настасья в последний раз согрела самовар. Уходя из дома навсегда, она несет на руках самовар, «вычищенный, празднично сияющий». С ним связаны ее мечты о возвращении на родную землю. Настасья ничем не покрывает самовар. («Чтоб видел, куда ворочаться. Примета такая»).

Без самовара осиротела Катерина. Оставшись бездомной, она больше всего убивалась по самовару, который Петруха не вынес из пожара. Катерина «разгребла в золе только оплавленный медный слиток.» Не теряя надежду на то, что Петруха остепенится, устроится на работу и возьмет ее к себе, Катерина вздыхала о самоваре, «представляя, что дом у них будет, а самовара в дому не будет: теперь их не делают, нигде не возьмешь».

В доме Дарьи самовар — «большой, купеческий, старой работы, красно отливающий чистой медью, с затейливым решетчатым низом... на красиво изогнутых ножках». Не случайно во время чаепития, церемонии, объединяющей растерянных старух в последние дни жизни на Матере, Дарья с неожиданно нахлынувшей обидой заявляет: «Доведись до меня, взяла бы и никуда не тронулась. Пушай топят, ежли так надо». На проводах Настасьи Дарья говорит о том, чтобы кто-нибудь догадался «самовар хошь одной в гроб положить. Как мы там без самовара останемся?».

Дарья уходит из избы, приготовленной к сожжению, с фанерным сундучком, куда сложила все «похоронное обряженье». Самовар, выставленный заранее, у нее нет сил

нести самой. словно боясь причинить ему боль, Дарья просит Симу и Катерину взять самовар. И в последнем пристанище — «бараке Богодула» — Дарья самовар стоял «на полу возле единственного окошка без нижней стеклины». В пустой и сожженной Матере последние жители сидели вокруг самовара, стоящего на полу, и пили чай без сахара и хлеба, «казалось, ничего этого больше не положено».

Уехали с Матеры люди, которым суждено было жить дальше. И остались те, кому не было другой жизни — жизни без родной земли. Они прилипли к Матере, и их «так и понесет в темноте куда-т так и понесет, покуда одним разом для всех не пробьет последний час».